

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6
С37

Оформление переплета *Ирины Драгунской*

Симкин, Лев Семенович.
С37 Великий обман. Чужестранцы в стране большевиков / Лев Симкин. — Москва : Эксмо, 2022. — 416 с. : ил. — (История с Львом Симкиным).

ISBN 978-5-04-156465-0

Десятая книга Льва Симкина, доктора юридических наук и профессора, автора исторических расследований самых ярких и драматических страниц истории России. «Великий обман» — книга о том, как в СССР принимали почетных иностранцев. Писатели, специалисты, лидеры мнений охотно приезжали в гости в советское государство, чтобы посмотреть на жизнь советского человека. Гостей встречали настоящие профессионалы своего дела. Советские деятели культуры, журналисты и сотрудники спецслужб создавали позитивный образ страны и гражданина, в то время как истинная картина зачастую была совсем другой...

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-04-156465-0

© Симкин Л. С., текст, 2022
© Благотворительный фонд «Фонд поддержки христианской культуры, науки и образования», текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Оглавление

<i>Алексей Малашенко. И поумнеете, и отдохнете</i>	9
Великий обман	11
В гостях у сказки	15
«Хорош выбор — между удавкой и веревкой!»	21
Действующие лица	25
Глава первая. Пыль в глаза	31
Визит с дамой (июль, 1931)	33
«Русские не так глупы...»	37
Крамольные вопросы (декабрь, 1931)	39
Фантаст в Кремле (июль, 1934)	43
Кремль, 23 июля 1934 года	48
«Фабианские отклонения»	51
Биограф вождя	53
«Писателей надо заинтересовать материально»	54
«Человек с головою ученого, с лицом рабочего, в одежде простого солдата»	56
«Совесь Европы» (июнь 1935 года)	59
Съезд писателей, август 1934 года	62
«Учеников-ударников топили в колодце»	65
Товарищ жена	68
Между струй	73
Из секретного дневника Роллана	81
Глупость умных людей	84
Глава вторая. Прозрение «лучшего друга»	86
Фашизм без берегов	89
Визит по первому классу	93
«Если друг оказался вдруг...»	104
Наш ответ Андре Жиду	106
«Эстет о Советском Союзе»	109

Глава третья. «Сталин их вождь, а Фейхтвангер их Гомер»113
Шпионские страсти116
Крестьяне и евреи118
Борцы и работники121
Особое мнение126
Кто кого пытал?130
«Почему они признавались?»132
Подлог и подкуп134
Двадцать лет спустя140
Глава четвертая. «Чудаки»143
Проданные сокровища145
Сын кайзера151
Еще один друг-враг154
«Я жгу Москву»156
«Я жгу Париж»160
Немного о кухарках162
Личные мотивы164
Отъезд167
Глава пятая. Техника гостеприимства169
Под присмотром172
Вокруг Кремля173
Немец в Кремле175
Новая религия176
Приглашение в колхоз177
На выездной сессии181
Болшево183
Брегет Эдуарда Эррио191
Мы стали более хуже одеваться (только цитаты)192
В ресторане196
Лимоны198
В магазине199
«Цепь золотую снес в Торгсин...»202
Жалобы интуристов204
«Это для иностранцев!»206
«Квартирный вопрос» (только цитаты)210

Разговорчики в строю212
«Туризм» польских евреев215
Диалог с собакой216
Глава шестая. «Свои»218
Коминтерновцы222
«Революция отвергает своих детей»228
Юный американец235
«Черные русские»237
Сталинградский инцидент239
«Я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек»242
Глава седьмая. Разочарование очарованных245
Голод248
Анатомия лжи254
Ультиматум257
«Ледокол»260
Под колпаком261
Глава восьмая. Дипломаты и коллекционеры265
Бельгийский консул270
Красный барон272
Кто не успел уехать, тот опоздал280
Коллекционер282
Красный капиталист286
Глава девятая. Званные гости295
Сталинград. Тракторы и танки298
Социалистический город300
Американский рабочий306
Специалист в Сибири314
Советское золото319
Отъезд326
Сизтл — Сеятель329
Добро пожаловать, или Посторонним вход запрещен330
Пастор Винс332

Глава десятая. Иностраный консультант	337
Лето 1989 года, Москва	337
Весна 1932 года, Атлантический океан	338
Лето 1929 года, Лос-Анджелес	341
Весна 1932 года, Париж, Ленинград, Москва	345
Первомай	350
Осень 1932 года, Москва	352
«Пышка»	357
Трудности перевода	360
«Мой опыт в России был по сути борьбой против советской бюрократии»	362
Реальность Голливуда	366
Москва, весна 1933 года	367
Дважды два — пять	370
Разлад	375
Апрель 1933 года	378
Эксперт	382
Из командировки в Утопию	384
Конец красивой жизни	386
В минуту расставания скажи мне: «До свидания»	389
Баракы, длинные как сроки	391
Рассказы о Шолохове	395
Возвращение	400
«Разная» правда	405
Литература	411

И поумнеете, и отдохнете

(считайте эти строки предисловием)

Книгу Льва Симкина я прочел (известно, что авторы предисловий не всегда столь честно поступают), и вам советую. Она интересна как минимум по двум причинам. Во-первых, своей историчностью: автор обстоятельно, но не скучно рассказывает, как принимали в СССР иностранцев — писателей (лично для меня это самые интересные главы, прочтите хотя бы эпизод с Лионом Фейхтвангером), спецов, да просто зарубежных гостей, и как вешали им лапшу на уши, создавая позитивный облик советского государства и советского человека. И часто это получалось, работали-то профессионалы — деятели культуры, журналисты и люди, скажем по-современному, из силовых структур. Прием иностранных гостей был специфической частью советской политической культуры, идеологии.

Во-вторых, в каком-то смысле традиция показать себя перед иностранцем не таким, какой ты есть на самом деле, а намного лучше, сохранилась и поныне. В ней звучат мотивы того, что теперь принято именовать «исторической правдой», которая существует параллельно правде настоящей, той, что в книге. Читая о тех временах, лучше понимаешь времена нынешние.

Книга не просто интересна. Она еще и поучительна, и полезна, поскольку автор, возможно, сам того не замечая, поясняет, как лучше разбираться во вранье, преодолевать его. В нашей стране морочат голову не только иностранцам, но и соотечественникам.

Книга мозаична в лучшем смысле этого слова. Столько фактов, столько характеристик и оценок, что порой от них устаешь. Хочется передохнуть. И в этом в особая прелесть симкинских историй — книжка притягивает. Тянет и что-то новое узнать, и уже прочитанное не позабыть.

Прочтите все десять ее глав — честное слово, не пожалеее.

*Алексей Малашенко,
историк, политолог и, кстати, такой же,
как и автор книги, Лев Симкин, профессор*

Великий обман

Я расскажу тебе — про великий обман...
Я расскажу тебе — про великую ложь.

Марина Цветаева

«**М**удрость Ивана Грозного состояла в том, что он стоял на национальной точке зрения и иностранцев в свою страну не пускал, ограждая страну от проникновения иностранного влияния». С этими словами в феврале 1947 года обратился к создателям фильма о грозном царе товарищ Сталин. После чего ему пришло на ум другое имя, и вождь добавил: «Петр I — тоже великий государь, но он слишком либерально относился к иностранцам, слишком раскрыв ворота».

Так уж повелось — из века в век существуют в России две повторяющиеся модели взаимоотношений с иностранцами (во всяком случае, с западными, появившимися у нас с конца XV века) — «ивановская» и «петровская». Своего рода матрицы. То страну приоткроют для иноземцев, то опять закроют, открытость сменяется изоляционизмом и наоборот, власть начинает оказывать им щедрое гостеприимство. Правда, гостеприимство это особого рода — их окружают множеством опекунов, но

об этом — отдельный разговор. Иной раз нам кажется, что они смотрят на нас свысока и норовят обидеть. Сейчас как раз такой период, немного затянувшийся.

В одни периоды мы верим, что заграница нам поможет, в другие — что, напротив, навредит. Но ведь, положив руку на сердце, мы — безотносительно к переживаемому периоду — считаем враждебным мир, представителями которого они являются. Это — с одной стороны. А с другой — то и дело ищем его одобрения. И стараемся повлиять на его к нам отношение с тем, чтобы оно изменилось к лучшему.

Пожалуй, наиболее эффективным это влияние было в 20–30-х годах прошлого века. За неполных два десятилетия советской власти удалось невероятное — убедить многих людей на планете в том, что ею строится самое передовое, справедливое общество в истории, а внешний мир только и ждет удобного момента, чтобы на него наброситься. И каким-то чудом сформировать этот светлый образ в условиях закрытой для свободного въезда и выезда страны.

Советский Союз закрылся от иностранцев едва ли не сразу после своего образования. Ну не то чтобы совсем закрылся, но свободно въехать в Страну Советов было весьма затруднительно. А желающих было немало. К концу 20-х годов СССР вошел в моду (примерно как Китай век спустя) и легко мог бы стать местом массового паломничества иностранцев. Знаменитая «контора Кука» направляла на нашу бывшую родину «интуристов», если тех одолевала скука и если ими овладевала охота увидеть другой, альтернативный Западу мир. Многих и многих заинтересовал социалистический эксперимент, только-только зачинавшийся. Нечто подобное случилось на

нашей памяти на рубеже 90-х, когда этот эксперимент окончательно провалился, но масштаб был уже не тот.

В 20-е годы в СССР была создана уникальная система приема иностранных гостей. На первом месте — те, от кого в первую очередь зависело формирование нужного образа Страны Советов за рубежом, западные интеллектуалы — писатели, ученые, политики, крупные журналисты. На втором — рабочие делегации, призванные после возвращения рассказать пролетариям всех стран «правду о Советском Союзе». На третьем — обычные «интуристы», целью привлечения которых была не столько валюта, сколько их идеологическая обработка.

Иностранцев, как я уже говорил, в СССР впускали немного, зато уделяли им много внимания. Немного — это сколько? Приведу несколько известных мне цифр. В 1925–1927 гг. в СССР побывало около 50 тыс. иностранцев, в том числе 11 тыс. немцев, 4 тыс. финнов, 3,5 тыс. чехов и словаков, по 2 тыс. англичан и американцев, по 1,5 тыс. французов, австрийцев, шведов, по 1 тыс. итальянцев и датчан. В середине 30-х годов число иностранных гостей несколько увеличилось, а к концу десятилетия постепенно сошло на нет. В 1937–1938 годах СССР посетили 18 тысяч человек, а в 1939–1941 годах — лишь 3 тысячи, в основном из дружественной в ту пору Германии.

Это только гости, а были еще те, кто приезжал, так сказать, навеки поселиться, о чем, правда, впоследствии иным из них пришлось пожалеть. Удивительное дело — страна, из которой традиционно эмигрировали в другие части света, после октября 1917 года стала местом массовой иммиграции иностранцев. В Советский Союз стремились все, кто симпатизировал идее строительства социализма и пожелал лично в нем участвовать. С началом

Великой депрессии к ним присоединились тысячи безработных плюс те, кто подвергся расовой и национальной дискриминации, кто мечтал получить в СССР образование, условия для научной деятельности. В 1931 году, по данным Амторга (акционерного общества, де-факто выполнявшего функции советского посольства в США вплоть до его открытия осенью 1933 года), было нанято на работу в СССР до 10 тыс. американцев, а количество обратившихся иногда составляло до тысячи в день.

Кроме того, возвращались те, кто до революции эмигрировал в Америку, в основном евреи и финны, а также русские сектанты, бежавшие за океан в поисках религиозной свободы. Поверив в социалистическое будущее — грядущий рай на земле, — они распродалаи нажитое за годы эмиграции имущество и вместе с семьями возвращались на родину.

По материалам всесоюзных переписей 1926 и 1937 годов, в стране проживало соответственно 390 тыс. и 190 тыс. иностранных граждан, правда, в их числе представители стран Запада были в меньшинстве. В 1930 году на XVI съезде ВКП(б) было принято решение о приглашении в СССР 40 тыс. иностранных рабочих и специалистов для участия в проектировании и реализации крупнейших строек первой пятилетки. В 1932–1933 гг. приехало около 20 тыс. человек, а вместе с семьями 35 тыс. В одной только Москве и области, на «Шарикоподшипнике» и «Динамо», часовом и «Электростроительном» заводах трудилось больше 2 тыс. иностранных рабочих.

И еще «свои», политэмигранты — к 1937 году их общее количество превышало 4 тысячи человек, на первом месте немцы, на втором американцы.

В гостях у сказки

Для многих все еще остается загадкой, каким образом удалось убедить стольких людей в справедливости и гуманности советского строя. И не абы кого — в их числе властители дум, к которым прислушивались Европа и Америка. Бернард Шоу и Герберт Уэллс, Ромен Роллан и Анри Барбюс — все они внесли свой вклад в прославление сталинского Советского Союза, ни один из них не заметил ни начала Большого террора, ни голода, ни атмосферы страха, ничего такого.

Тому были свои причины. «Да, был культ. Но была и личность!» Эта фраза, приписываемая обыкновенно Михаилу Шолохову, получила известность в середине прошлого века, после «разоблачения культа личности Сталина». Здесь же она приведена не для того, чтобы славить эту личность, а чтобы напомнить — в Советском Союзе было много и вправду хорошего, что не могло гостям не понравиться. Им надоел капитализм с его кризисами, а тут впервые в истории человечества как будто победила справедливость, бедным предоставляют жилье и возможность получить образование, бесплатно лечиться. Миру был предложен новый цивилизационный проект — без сословий, уравнивший в правах всех граждан, мужчин и женщин, реализован принцип «кто не работает, тот не ест». Мало того, далекий Советский Союз, искоренив безработицу, строил гиганты индустрии, осваивал Арктику. И все это на фоне происходившей на Западе Великой депрессии.

Английский писатель Артур Кёстлер, проведший 1933 год в Советском Союзе, на своем примере показал, как, попав в «закрытую систему», западный интеллектуал постепенно утрачивал способность к самостоятельному

мышлению. Он «не мог не заметить азиатской отсталости жизни, апатичной толпы на улицах, в трамваях и на вокзалах; невероятных жилищных условий, из-за которых все промышленные города казались одной огромной трущобой (две-три пары в одной комнате, разделенной висящими простынями), голодных кооперативных пайков или того, что цена килограмма масла на рынке равнялась среднемесячной зарплате рабочего». Осознавая, что «трудящимся в капиталистических странах жилось лучше, чем в Союзе», он оправдывал это тем, что «в СССР уровень постоянно рос, а там — постоянно снижался...»

Советское государство больше, чем любое другое государство в истории, уделяло внимание пропаганде. Ее успеху способствовал дореволюционный пропагандистский опыт большевиков. К тому же в условиях экономического кризиса 1929–1933 годов пропаганда опиралась на реальные факты резкого ухудшения положения народонаселения стран Запада.

«Среди этих бушующих волн экономических потрясений и военно-политических катастроф, — восклицал товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б) (январь 1934 года), — СССР стоит отдельно, как утес, продолжая свое дело социалистического строительства и борьбы за сохранение мира. Если там, в капиталистических странах, все еще бушует экономический кризис, то в СССР продолжается подъем как в области промышленности, так и в области сельского хозяйства». Постепенно ситуация в странах Запада стабилизировалась, но тезис о постоянном ухудшении положения трудящихся и нарастании классовой борьбы надолго остался в центре внимания мощнейшей советской пропаганды. Автора этих строк, как и его родившихся после Второй мировой ровесни-

ков, полвека спустя все еще учили тому, что общий кризис капитализма продолжает углубляться.

Николай Бердяев в своей «Философской автобиографии» призывал «увидеть не только ложь, но и правду коммунизма». Ложь коммунизма, по его мнению, «есть ложь всякого тоталитаризма», отрицающего свободу, «но социально в коммунизме может быть правда, несомненная правда против лжи капитализма, лжи социальных привилегий».

Сталинский социализм — сродни вере, своего рода эрзац-религия. «Земля Ханаанская сместилась на северо-восток», — писала в 1932 году из СССР в письмах к оставшемуся в Англии другу Памела Трэверс. И одновременно — эрзац-наука. Среди «друзей СССР» было много ученых, для которых, по всей видимости, имело значение, что советская идеология позиционировалась в качестве научной доктрины. В свою очередь, люди искусства стремились попасть в Москву — оплот мирового авангарда и новой эстетики.

Сталинский социализм — сродни любви. Странники из-за границы верили в то, что едут в первую справедливую страну на свете, стремились в СССР как в землю обетованную, очарованные мечтой. Как полагал философ Карл Кантор, социализм был самой гуманной, самой демократичной, самой свободолюбивой идеей, которая только может быть. Странники стремились в страну большевиков словно в пещеру Лейхтвейса, ожидая увидеть невозможное, найти то место, где царит справедливость и всеобщее счастье, и находили этому подтверждение, охваченные иллюзией мгновенного прозрения. Они были заранее очарованы тем, чего не знали, то было очарование не злом, как иногда говорят, а неизведанным, они были странниками, очарованными социализмом.

Джентльменский набор советских пропагандистов, рассчитанный на за границу, включал не только рассказ о преимуществах советского строя перед капиталистическим, но и преувеличенное представление о роли СССР как одного из мировых «центров притяжения», влияющего на всю систему международных отношений. «Англия и Америка выступали в качестве такого центра для буржуазных правительств, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде партии (1925), — а СССР — для рабочих Запада». Иностранцам предлагалось ощутить чувство сопричастности к родине социализма, отсюда их эмоциональная самоидентификация с Советским Союзом.

Правда, были и те, кто предупреждал, что сталинский режим не имеет ничего общего с социализмом, каким его видели западные интеллектуалы, а скорее подобен гитлеровскому режиму. «...Ничто, по моему мнению, так не способствовало извращению идеи социализма, как убеждение в том, что Россия — социалистическая страна», — писал Джордж Оруэлл в предисловии к одному из изданий «Скотного двора». Но его мало кто слушал.

...Несмотря на уговоры друзей, начитавшихся об «ужасах большевизма», приехал в Москву Джон Вест из штата Огайо, герой фильма Льва Кулешова «Необычайные приключения мистера Веста в стране большевиков» (1924). В Москве у него украли портфель беспризорники, а потом наивный американец стал объектом вымогательства шайки мошенников. Переодевшись по образу «страшного большевика» из американского журнала, найденного в украденном беспризорниками портфеле, они инсценируют арест мистера Веста и последующий побег, чтобы получить за него выкуп. Но все заканчивается хорошо — злоумышленников арестовывает москов-